

Манда́ла

мандала (древнеинд. «mā́ṇḍala», «круг», «диск», «круглый», «круговой» и т. п.), один из основных сакральных символов в буддийской мифологии; ритуальный предмет, воплощающий символ; вид ритуального подношения (включая и жертву). Само слово «М.» отмечено уже в «Ригведе» во многих значениях (помимо указанных, ср. «колесо», «кольцо», «орбита», «шар», «округ», «страна», «пространство», «совокупность», «общество», «собрание», «одна из 10 частей Ригведы», «возлияние», «жертва», вид земли, вид растения и т. д.), которые в целом сводимы к понятию круглого, а в некоторых случаях обнаруживают тяготение к сфере сакрального (прежде всего в ритуале).

Возникший на индийской почве буддизм усвоил понятие М. и передал его (как в целом ряде случаев и само слово) своим более поздним продолжениям, прежде всего разным вариантам северного буддизма (махаяана, ваджраяна, тантризм) в Тибете, Центральной Азии, Монголии, Китае, Японии начиная с первых веков нашей эры (впрочем, немецкий востоковед З. Хуммель полагает, что М. возникла в Тибете и потом уже вторично попала сюда из Индии). В этих более поздних вариантах буддизма слово «М.» обычно сужает круг значений, но зато делается более терминологичным и унифицированным соответственно дальнейшей сакрализации и универсализации самого понятия и сопоставленных с ним ритуальных воплощений.

Так, уже в тибетском буддизме конституируется два круга значений, один из которых соотносится со сферой буддийской космологии (вид кругового или сферического пространства, в частности земная сфера, а также огонь и вода), а другой — со сферой ритуала (магическая диаграмма или фигуративное изображение из зерна или других жертвенных даров; ср. М. в монгольской языковой и культурно-религиозной традиции — «круглое блюдо с соответствующими символами, используемое при жертвоприношениях» при том, что сохраняется и исходное общее значение — «круг», «диск» и т. п.). М. принадлежит к числу геометрических знаков (см. Геометрические символы) сложной структуры.

Наиболее характерная схема М. представляет собой внешний круг с вписанным в него квадратом; в этот квадрат в свою очередь вписан внутренний круг, периферия которого обозначается обычно в виде восьмилепесткового лотоса или восьми членений, сегментирующих этот круг. Квадрат ориентирован по сторонам света, связанным к тому

же с соответствующим цветом примыкающего изнутри пространства квадрата (ср. в ламаизме М., где север — зелёный, восток — белый, юг — жёлтый, запад — красный; центр соотносится с голубым цветом, хотя в данном случае цвет мотивируется прежде всего объектом, изображаемым в центре).

Посередине каждой из сторон квадрата находятся Т-образные врата, продолжающиеся вовне, уже за пределами квадрата крестообразными изображениями, иногда ограниченными малыми полукругами. В центре внутреннего круга изображается сакральный объект почитания — божество, его атрибут или символ, метонимически используемый в ритуале, особенно часто ваджра в разных вариантах — одинарном, двойном, тройном и т. д.

Этот основной вариант М. существует в целом ряде модификаций, их особенности определяются или объектом, находящимся в центре М., или некоторыми местными вариантами символики. Изображения М., как правило, многочисленны (иногда их стремятся воспроизводить в возможно большем количестве экземпляров) и помещаются в разных местах, признаваемых сакральными, например в храмах, на холсте, на жертвенных блюдах.

М. изображаются живописно; изготавливаются из камня, дерева, металла, глины, песка, теста и др. Наиболее универсальна интерпретация М. как модели вселенной, «карты космоса», причём вселенная изображается в плане, как это характерно и для моделирования вселенной с помощью круга или квадрата.

Объектом моделирования становятся некие идеализированные параметры вселенной, соотнесённые с системой высших сакральных ценностей (особенно явно это в буддизме); как правило, лишь внутри центрального круга появляются антропоморфные объекты с более конкретной семантикой. Космологическая интерпретация М. предполагает, что внешний круг обозначает всю вселенную в её целостности, очерчивает границу вселенной, её пределы в пространственном плане, а также моделирует временную структуру вселенной.

В этом внешнем кольце нередко изображаются 12 символических элементов — нидан, выражающих 12 соотнесённых друг с другом причин, «звеньев» цепи «взаимозависимого происхождения», вызывающих и обеспечивающих непрерывность жизненного потока. Эти 12 нидан на М. моделируют бесконечность и цикличность времени, «круг времени»,

в котором каждая единица определяется предыдущей и определяет последующую.

Изоморфность основных частей М. и так называемой калачакры — «колеса времени», высшего и наиболее сокровенного из четырёх направлений ваджраяны, также актуализирует временной аспект М. Наконец, внешний круг М. вообще соотносится с календарными и хронологическими схемами северного буддизма и (шире) всей Центральной и Юго-Восточной Азии. Вместе с тем интерпретация М. или близких к ней схем типа «колеса времени» или «колеса бытия» (древнеинд. бхавачакра, монг. «сансарайн хурдэ» — «колесо сансары») и т. п. обычно предполагает и вычленение этических и/или аксиологических структур (ср. изображение на «колесе» шести разрядов обитаемого мира с указанием зависимостей между типом поведения человека и ожидающим его в новом рождении воздаянием).

Стороны квадрата, вписанного во внешний круг, моделируют основные направления, пространственные координаты вселенной, точки входа которых в обитаемый мир заслуживают особого внимания и охраны. Поэтому нередко именно в этих местах квадрата, в Т-образных вратах, помещаются так называемые локапалы или махараджи — «великие цари»: Вайшравана на севере, Дхритараштра на востоке, Вирудхака на юге, Вирупакша на западе.

Тантрийские ритуальные М. соответственно изображают четырёх дхьяни-будд — Амогхасиддхи, Акшобхья, Ратнасамбхава, Ами табха. В этом случае в центре обычно помещается Вайрочана.

Вписанный в квадрат внутренний восьмилепестковый круг (янтра) символизирует женское начало, детородное лоно, внутри которого часто помещается знак мужского начала — ваджра. Это соотношение геометрических символов в центре М. дублируется ритуально-мифологическим мотивом: призываемое божество опускается с небес в самый центр М., обозначенный лотосом, где оно и совершает акт, приносящий плодородие, изобилие, успех.

В Тибете и Монголии М. вообще часто рассматривается как место обитания божества или божеств (ср. монг. хото мандала, то есть «М. места обитания»; ср. обозначение конкретных М. по этому принципу: «Ямантакийн хото», «место Ямантаки» и т. п.). Прецедент нисхождения божества имел место, согласно преданию, в VIII в., когда Падмасамбхава — основатель буддийского тантризма, которому приписывается и

изготовление первой М., нуждавшийся в божественной помощи, сооружал М. и вставал на семидневную молитву, после чего божество спускалось в центр М. и совершало то, ради чего оно призывалось.

Этот мотив движения божества сверху вниз, с неба на землю, в центр М. вводит вертикальную координату в структуру М., хотя эта координата явно обнаруживается и даже актуализируется именно как основная только во время ритуала. Движение по вертикали, как и его последний, завершающий этап — божество в центре М., связываются с другими символами вертикальной структуры мира — мировой осью, древом мировым, горой Меру, ритуальным сооружением.

Отсюда и соотнесение М. (в полном или частичном виде) со структурой (в плане) ритуальных сооружений — зиккуратов или мифического дворца чакраватина (см. работы итальянского буддолога Дж. Туччи), ступы, царских дворцов и храмов в Юго-Восточной Азии и в Центральной Америке, чума и т. д. и даже с планировкой некоторых поселений городского типа. Структура социальной иерархии также часто строилась и описывалась по принципу М. Ряд исследователей (Хуммель, Х. и М. Аргуэльес и др.) склонны считать, что мегалитические сооружения Тибета и других мест (например, знаменитый кромлех Стоунхендж в Англии) имеют в своей основе принцип М. (или, наоборот: М. не что иное, как схема таких мегалитических сооружений).

Третьи сопоставляют М. с другими символами вселенной: С. Камман — с китайскими бронзовыми зеркалами Ханьского периода, с изображёнными на них схемами вселенной; Н. Л. Жуковская — с шаманскими бубнами народов Северной Азии, несущими на себе рисунки, являющиеся картой вселенной. Эти точки зрения правомерны, поскольку сам принцип М. не только распространён гораздо шире, чем М. как таковая, но практически универсален и как модель вселенной (или её частей, ср. так называемые астрологические М.) и как средство достижения глубин подсознания в ритуале или индивидуальной медитации.

Обе эти функции М. связаны воедино: тот, кто предаётся медитации или участвует в соответствующем ритуале в качестве ведущего, помещает себя в центр М. и ожидает божество, божественный дух, который должен снизойти на него. К. Г. Юнг подчёркивал универсальный характер М. как психокосмической системы, задающей особый вселенский ритм, объединяющий макро- и микрокосм и указывающий на то, что идея М. и сама её форма независимо была выработана не только самыми разными религиозными системами, но и творчески одарёнными людьми (прежде всего художниками; ср. также сочетание «круглых» и «квадратных» танцев, образующее «мандалический» танец с

соответствующим переключением ритмов) или больными, страдающими разными формами душевных болезней, которые настраивают себя на выведение из собственного подсознания тех или иных архетипических (см. Архетипы) комплексов и/или на собственную «космизацию», то есть на выработку единого ритма человека и вселенной, на улавливание, восприятие и преобразование космической энергии.

Эта идея лежит в основе некоторых современных теорий в медицине (психотерапия юнгианского толка), искусстве и искусствоведении. См. также Круг, Квадрат.

Литература: Жуковская Н. Л., Формы проявления культа природы в пантеоне и ритуалах ламаизма, в сб.: Религия и мифология народов Восточной и Южной Азии, М., 1970; её же, Манда́ла как предмет ламаистского культа, в сб.: Культура народов зарубежной Азии, Л., 1973; её же, Ламаизм и ранние формы религии, М., 1977, с. 44—61; Виноградова Н. А., Иконографические каноны японской космогонической картины Вселенной — манда́ла, в сб.: Проблема канона в древнем и средневековом искусстве Азии и Африки, М., 1973; Зелинский А. Н., Идея космоса в буддийской мысли, в сб.: Африка и Азия, М., 1973; его же, «Колесо Времени» в циклической хронологии Азии, «Народы Азии и Африки», 1975, № 2; Cammann S., Suggested origin of the Tibetan mandala paintings, «The art quarterly», 1950, v. 13, № 2; Hummel S., Die Lamapagode als psychologisches Diagramm, «Psyche», 1952, H. 10; его же, Geschichte der tibetischen Kunst, Lpz., 1953; его же, Der Ursprung des tibetischen Mandalas, «Ethnos», 1958, v. 23, № 2—4; Das Geheimnis der goldenen Blüte, Z. — Stuttg., 1957; Jung C. G., Mandala symbolism, Princeton, [1972]; Kirfel W., Symbolik des Buddhismus, Stuttg., [1959]; Waddell L. A., The buddhism of Tibet or lamaism with its mystic cults, symbolism and mythology and in its relation to Indian Buddhism, 2 ed., Camb., 1958; Tucci G., The theory and practice of the Mandala, L., 1961; Roerich G., Studies in the Kālacakra, в кн.: Перих Ю. Н., Избр. труды, М., 1967; Argüelles J. and M., Mandala, Berk. — L., 1972; Argüelles J. and M., Mandala, Berk. — L. — Shambala, 1972; Zinn G. A., Mandala symbolism and use in the mysticism of Hugh St. Victor, «History of Religions», 1973, v. 12. В. Н. Топоров.